

Библиографический список

1. Вербицкий, А.А. Личностный и компетентностный подходы в образовании: проблемы интеграции / А.А. Вербицкий, О.Г. Ларионова. М.: Логос, 2009. 336 с.
2. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии: Активное обучение. М.: Издательский центр «Академия», 2009. 192с.
3. Современные образовательные технологии. / под ред. Н.В. Бордовской и др. М.: КНОРУС, 2010. 432с.
4. Воропаева Н.В. Контекстный подход к обучению математике при подготовке магистров и аспирантов / Н.В. Воропаева, В.А. Соболев, Е.А. Щепакина // Образование в современном мире: профессиональная подготовка кадрового потенциала с учетом передовых технологий Сборник научных трудов Всероссийской научно-методической конференции с международным участием Самара, 14 декабря 2018 г. Самара: «Ваш Взгляд». С. 37-40.
5. Воропаева Н.В. Эвристические методы решения исследовательских задач в преподавании математики / Н.В. Воропаева, А.А. Ильичева, Т.С. Саблина // Образование в современном мире: инновационные стратегии Сборник научных трудов международной научно-методической конференции Самара, 25 февраля 2016 г. Самара: «Самарский государственный университет». С. 169-172.

ГОТОВНОСТЬ ФИЛОЛОГА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ ИСТОЛКОВАНИЮ ТЕКСТА

С.А. Голубков

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва*

В паспорте научной специальности «13.00.08 Теория и методика профессионального образования» сформулированы некоторые задачи, напрямую связанные с темой данной статьи. Это и формирование **понятийного** аппарата профессионального образования, и стимулирование **интеграционных** образовательных процессов, и подготовка специалистов к результативной работе в системе **многоуровневого** образования, и побуждение вузовского работника к **непрерывному** профессиональному самосовершенствованию. Большая роль в формировании готовности к

выполнению всех этих задач отводится умелому использованию информационных ресурсов. Для филолога это, прежде всего, целенаправленная работа с книгами-комментариями, словарями и энциклопедиями. Рост в наше время справочных информационных ресурсов и появление новых художественных текстов делают просто неизбежным процесс непрерывного профессионального самообразования вузовского преподавателя-филолога.

К видам этой деятельности относятся и архивное разыскание, и экспедиционно-собираТЕЛЬская работа фольклористов, и многоаспектное исследование художественного текста, и выполнение различного рода вспомогательных работ: редактирование; составление сборников, антологий, хрестоматий; написание предисловий, послесловий, примечаний; комментирование; подготовка хронологических указателей (типа «Летописи жизни и творчества» писателя); текстологическая выверка рукописей; составление обзоров научно-критической литературы по отдельным проблемам; различные виды экспертной оценки (оппонирование при защите магистерских, кандидатских и докторских диссертаций, рецензирование рукописей книг, предназначенных для опубликования и т.п.).

В преподавательской деятельности филолога-литературоведа особенно значим такой ее компонент, как *комментирование* литературного текста. С помощью педагога обучающийся должен извлечь максимум возможных смыслов. Нередко преградой на этом пути оказывается незнание молодым человеком необходимой научной терминологии, должного объема интертекстуальных отсылок и историко-литературных реалий, семантики устаревших слов и выражений. Устранить такую преграду и призвана разноплановая справочная литература.

С.А. Рейсер в книге «Палеография и текстология нового времени» дал формулировку основных особенностей жанра комментария: «Независимо от того, для какой читательской категории комментарий предназначен, он не представляет собой чего-то автономного от текста, а подчинен ему – он должен помочь читателю понять текст. Комментарий – спутник текста» [5, с. 293]. Комментарий имеет вполне определенную направленность в зависимости от целевой аудитории. Он может быть адресован школьникам, учителям, студентам, просто любознательным читателям. Ю.М. Лотман свой комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» адресовал учителям и характеризовал трудность задачи комментатора: «Тип комментария зависит от типа комментируемого текста, а пуш-

кинский роман отличается исключительной сложностью структурной организации. Это закономерно приводит к необходимости совмещения нескольких видов комментария и к неизбежной неполноте каждого из них в отдельности. Большая группа лексически непонятных современному читателю слов в «Евгении Онегине» относится к предметам и явлениям быта как вещественного (бытовые предметы, одежда, еда, вино и пр.), так и нравственного (понятия чести, специфика этикета, правила и нормы поведения) и социального (служебная иерархия, структура общественных отношений и пр.). При этом недостаточно объяснить, что означает то или иное название, существенно указать, являлась ли та или иная вещь модной новинкой или обломком старины, какую художественную цель преследовал Пушкин, вводя ее в свой роман, и т.д.» [2].

Создание комментария сталкивается с целым рядом проблем. О них пишет Д.М. Магомедова в книге «Комментируя Блока» (М., 2004). Эта книга, как предвещает автор «родилась в процессе работы над комментарием к Полному академическому собранию сочинений и писем Александра Блока, шесть томов которого уже увидели свет в 1997-2003 гг.». Одна из таких проблем – расширение области комментирования: «В результате генетический анализ текста переходил в его структурный анализ, далеко уводящий от задач реального комментария» [3, с. 5]. Д.М. Магомедова задается вопросом, «где границы между комментарием и интерпретацией текста»? Автор книги вводит специальную вступительную главу «О способах комментирования символистского текста», оговаривая границы предмета рассмотрения: «Речь пойдет только о тех гранях комментария, которые отличают символистский текст от несимволистского. Невозможно указать, в чем отличие текстологического комментария (творческая история, датировка, мотивировка выбора текста, библиография прижизненных изданий и обзор критических отзывов) любого текста Блока или Вяч. Иванова от текстов Гоголя, Лермонтова или Герцена. Различия, на мой взгляд, начинаются в области реального комментария» [3, с. 7]. Читатель символистского текста должен обладать необщедоступными сведениями (многочисленные отсылки символистских авторов к разнообразным культурным контекстам нуждаются в своей дешифровке, а это, в свою очередь, требует от читателя определенной подготовленности, общекультурного кругозора). Д.М. Магомедова показывает, как происходит своеобразная перекодировка, «трансформация «природных» реалий в контексте мистериально-

го сюжета религиозного преображения мира» [3, с. 9]. Привычные природные аналогии получают новое семантическое наполнение.

Любой исследователь в своей ежедневной деятельности прибегает к помощи самых различных словарей. Это и словари иностранных слов, и терминологические справочники, и двуязычные словари (англо-русский, немецко-русский, испано-русский и т.д.). У филолога, помимо чисто лингвистических специализированных словарей (этимологического, грамматического, словообразовательного, фразеологического, орфоэпического; словарей синонимов, антонимов, омонимов, сокращений и др.), всегда находятся на столе и специфические литературоведческие словари. К ним можно отнести и «Словарь литературоведческих терминов», и «Словарь литературных героев», и биографические словари, и «Словарь литературных цитат». Без обращения к ним порой невозможно решить даже самые простые исследовательские задачи. Так, при изучении произведений, опубликованных в отечественных журналах XIX-XX веков (особенно в сатирико-юмористической периодике) приходится первоначально ответить на элементарный вопрос, кто из реальных авторов прячется за тем или иным причудливым псевдонимом. И, разумеется, неоценимую помощь тут может оказать фундаментальный «Словарь псевдонимов», составленный историком и библиографом Иваном Филипповичем Масановым и изданный в четырех томах в 1956-1960 годах [4]. Этот словарь является очень удобным справочным изданием. Он фактически состоит из двух больших словарей – собственно словаря псевдонимов (тома I – III), по которым можно определить автора, и указателя авторов (том IV), оттолкнувшись от фамилий которых можно выйти к их псевдонимам. «Словарь псевдонимов» И.Ф.Масанова сохраняет свою научно-справочную ценность и поныне.

Разумеется, историко-литературные исследования филолога невозможны без обращения к «Краткой литературной энциклопедии» (1962 – 1978), к издаваемому ныне подготовленному коллективом Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) многотомному биографическому словарю «Русские писатели. 1800 – 1917», к авторскому справочнику немецкого литературоведа Вольфганга Казака «Лексикон русской литературы XX века» (1996), к трехтомной Литературной энциклопедии Русского Зарубежья (ИНИОН РАН).

Филология по самой природе своей чрезвычайно внимательна к слову. Все наши литературоведческие дискуссии, большие и малые, – не

что иное, как споры о словах. В слова облакаются сложные философские категории, политические постулаты, юридические нормы, психологические переживания. Слова отграничивают все эти явления друг от друга, отражают историю их возникновения, наконец, сохраняют их в необъятном архиве культуры.

Художественная литература по самой природе своей сопрягается с описанием *быта*. И это понятно: быт, казалось бы, – то элементарное, с чем каждый человек сталкивается ежедневно и ежечасно. Но и у самых простых бытовых реалий и обозначающих их слов может быть особый смысл, когда они попадают в пространство художественной литературы. В контексте произведения бытовая деталь обрастает целым облаком разнообразных эстетических функций.

Быт текуч и парадоксален в своем развитии. Составляющие наш быт различные предметы стремительно появляются и столь же стремительно исчезают. Понимаем ли мы во всех нюансах и предметных подробностях бытовое окружение, скажем, человека века девятнадцатого? Все ли отечественные романы, пьесы и поэмы, составившие золотой фонд литературной классики, понятны до последней страницы, до последнего слова, до каждой предметной детали? Признаемся, что порой мы чувствуем себя чужестранцами, вступающими в непривычный мир давнишней русской жизни. Пыль времен коснулась позабытых слов родного языка и скрытых за ними жизненных реалий.

Наверное, этим и объясняется непреходящая популярность книги Ю.А. Федосюка «Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века»[9], рекордно выдержавшей 17 изданий. Это, по сути, популярный справочник, дающий читателю надежные ключи к пестрой мозаике повседневной жизни, отстоящей от нашего времени, по меньшей мере, на 100, а то и на 200 лет. Книга охватывает фактически все стороны бытовой сферы. Погружение в текст энциклопедии – увлекательное путешествие в мир старинных обращений и титулований, забытых чинов и званий, наименований различных учреждений, армейских знаков различия. Мы узнаем об иерархии российских орденов того времени, об обозначении сословий. И, конечно, нас будут интересовать костюмы того времени, фасоны и названия крестьянской и городской одежды, детали туалета, распространенные тогда прически. А каких только забытых ныне наименований тканей мы здесь ни найдем! Тут и *запране-*

за, и коломянка, и мухояр, и пестрядь, и посконина, и канифас, и сарпинка, и тармалама.

Непонимание некоторых реалий того времени может привести и к неверному прочтению классического текста. В частности, Ю.А. Федосюк пишет: «Извозчики ожидали седоков на *биржах* – особо выделенных платных стоянках. Описывая в «Евгении Онегине» петербургское утро, Пушкин не упускает и такую деталь: «...На биржу тянется извозчик...». Так что, как видим, тут речь идет отнюдь не о финансовом учреждении. Еще один пример возможного подвоха в понимании текста таит в себе, казалось бы, обычное слово «эгоистка». Сегодняшнее толкование слова однозначно: себялюбивая женщина, заботящаяся исключительно о личных интересах. Однако у Ю.А. Федосюка читаем и о другом, забытом ныне, значении этого слова: «Наконец, легкая коляска на одного седока с кучером спереди носила характерное название *эгоистка*. В «Мелочах жизни» Салтыкова-Щедрина Сережа Ростокин «в два часа садился в собственную эгоистку и ехал завтракать к Дюсо» [9].

Филологу, занимающемуся изучением поэзии второй половины XX века, несомненно, окажет информационное содействие содержательная книга А.Е. Крылова и А.В. Кулагина «Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта» [1].

Сложности в толковании стихотворений разных поэтов возникают еще и потому, что в поэтических сборниках мы находим немало самых разнообразных *топонимов* – наименований городов и сельских поселений, их улиц, переулков, площадей, а также больших и малых рек и озер, морских бухт, проливов и далеких островов. Некоторые из них нам непонятны, поскольку за многие столетия некоторые обозначаемые ими географические и топографические объекты переименовывались по несколько раз. И тут интерпретатору поэтического текста необходим более или менее внятный комментарий. Подобную ценную справочную помощь может оказать нам книга литературоведа и лингвиста Валерия Сомова «Поэтическая география», определяемая самим автором как «культурологический словарь» [8]. Любой словарь – это ключ к семантике текста, ведь, в самом деле, все важно при чтении порой сложного по своей затейливой метафорике поэтического текста. Книга В. Сомова – повод поразмышлять над широкой проблемой поэтической номинации. Перечень конкретных наблюдений автора можно продолжить.

Поэт приходит в мир, чтобы дать каждому элементу этого огромного мира Имя. Это извечная миссия поэта – обнаружить через название скрытый аспект явления. Поэтический топоним может стать обозначением некоего этапа биографии, этапа исторического развития государства. Так, у каждого человека может быть свой Тулон. Тут налицо отсылка к реальному историческому событию – успеху Наполеона, организовавшему в свои молодые годы эффективный обстрел Тулона. Это из того же ряда вещей, как и звездный час того же человека – будущего императора – на Аркольском мосту. Мы, порой не отдавая себе отчет при описании собственной биографии или истории страны, переходим на язык топонимов, получающих семантическую глубину, смысловое приращение. У исторических деятелей может быть свой Рубикон, своя Березина, своя Эльба. Река тут понимается как рубеж, как место испытания, встречи, выбора. Поэт увенчивает географический объект, включая его в широкий ассоциативный ряд и наделяя мифологическими, сакральными, социокультурными смыслами.

Поэтически осмысленные топонимы увеличивают свой смысловой объем за счет метафорического приращения, некоего шлейфа переносных значений и добавочных смыслов. Они означают уже большее, чем простое наименование. Они входят в нашу читательскую память нередко вместе с именем поэта, давшего им вторую жизнь в искусстве. Так, используя словосочетание *поле Куликово*, мы неизбежно вспоминаем знаменитые блоковские строки. Говоря о небольшом российском городе *Ржев*, извлекаем из арсеналов собственной памяти трагическое стихотворение А.Твардовского «Я убит подо Ржевом». Слово *Смоленщина* ассоциируется с еще одним стихотворением военных лет – стихотворением К.Симонова «Ты помнишь дороги Смоленщины». А испанская *Гренада* идет в нашем сознании в связке с именем Михаила Светлова, и понятно почему.

В топонимике отражается не только пространственная составляющая (как никак топоним – в первую очередь название конкретного места), но и составляющая хронологическая, ведь наименование может косвенно указывать и на эпоху. Тот же *Хитров рынок* с его ночлежками и криминальными нравами – это московская примета определенного времени. Как и *Зарядье*, как и *Ходынка*. В этих названиях присутствует аспект конкретной событийности. Та же *Ходынка* – это не только и не столько просторечно-разговорный вариант названия Ходынского поля,

сколько имя страшного события 1896 года, вошедшего в историю как Ходынская катастрофа.

Поэтическая топонимика может быть знаком своеобразного двойного путешествия – путешествия как в пространстве, так и во времени. Вспомним, какой мощной была в русской культуре рубежа XIX-XX вв. тяга к Востоку (Индии, Китаю, Японии). Н. Рерих, В. Бубнова, К. Бальмонт, И. Бунин – сколько художников, поэтов, писателей настойчиво торили дорогу в сторону восхода солнца, к далеким и загадочным странам! Двойственность такого путешествия заключалась в том, что, с одной стороны, это был конкретный опыт вполне реальных поездок и встреч, а, с другой стороны, это был сложный внутренний путь духовного постижения мира Востока с его мистическими практиками, непривычным языком искусства, с мощными пластами многовековых традиций. Названия восточных стран, городов, храмов концентрированно вбирали в себя совокупность исторических и современных реалий, многомерных мифологических представлений.

Поэтическая топонимика – это зримые следы активного освоения поэтом пространства, приобщения новых топосов к персональной метагеографии. Мозаично разбросанные по страницам поэтических сборников наименования разных мест вкупе составляют уникальную для каждого художника карту лирического открытия мира. В путешествиях мы всегда нуждаемся в разнообразных путеводителях. Книга В. Сомова таким информативным и полезным путеводителем как раз и является.

Точное знание и понимание жизненных реалий (исторических, географических, биографических, бытовых), отраженных в литературном произведении, это еще только первый шаг на пути проникновения в художественные глубины искусства слова. Следующие шаги будут связаны с постижением *специфики художественного мышления*, своеобразия творческой концепции, закодированной в том или ином литературном тексте.

Нужно учитывать при этом, что филология, как самостоятельная отрасль научного знания, обладает своим собственным, выработанным на протяжении веков *понятийным аппаратом*, своим специфическим научным языком. С помощью такого языка филолог должен максимально точно определить исследуемое явление. Литература динамично развивается, движется от одного этапа к другому, один тип художественного мышления сменяется другим. Каждая новая литературная эпоха нуж-

дается в категориальном аппарате, вполне адекватном изучаемому материалу. Литературную классику можно было описывать традиционным научным языком. Явления неклассической эстетики, скажем, литературы модернизма или авангарда, требуют других аналитических процедур и соответствующего инструментария. Вот почему выходят такие солидные универсальные издания, как «Энциклопедия экспрессионизма», «Русский экспрессионизм», «Русский имажинизм», которые могут быть ценным теоретическим подспорьем в практической преподавательской деятельности филолога.

Обилие справочных изданий и принципиально новых художественных текстов обуславливает настоятельную необходимость непрерывного профессионального самообразования вузовского преподавателя-филолога. Образование процессуально, как и сам предмет его. Литература есть бесконечный процесс сотворения и валоризации новых художественных текстов. Столь же бесконечный процесс представляет собой литературоведение как наука, создающая новые теоретические построения, новые масштабные концепции, новые историко-литературные классификации и социокультурные системы.

Библиографический список

1. Крылов А.Е., А.В.Кулагин А.В. Высоцкий как энциклопедия советской жизни: Комментарий к песням поэта. М.: Булат, 2010. 384 с.
2. Лотман Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. Л.: Просвещение, 1983. 416 с.
3. Магомедова Д.М. Комментируя Блока. М.: РГГУ, 2004. 111 с.
4. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4-х тт. / Подготовил к печати Ю.И.Масанов; ред. Б.П.Кузьмин. М.: Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1956-1960.
5. Рейсер С.А. Палеография и текстология нового времени. М.: Просвещение, 1970. 336 с.
6. Русский имажинизм: история, теория, практика / Под ред. В.А. Дроздова, А.Н. Захарова, Т.К. Савченко. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 520 с.
7. Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / Сост. В.Н. Терехина. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 512 с.

8. Сомов В.П. Поэтическая география: историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь / подгот. текста и ред. К.М.Герасимовой. М.: Б.С.Г. Пресс, 2015. 416 с.

9. Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. 17-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука. 2017. 272 с.

10. Энциклопедия экспрессионизм: Живопись и графика. Скульптура. Архитектура. Литература. Драматургия. Театр. Кино. Музыка / Л. Ришар; Науч. Ред. и авт. Послесл. В.М.Толмачев; Пер. с фр. М.: Республика, 2003. 432 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА БУДУЩИХ МЕНЕДЖЕРОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Е.Н. Дятлова

*Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва*

Подготовка менеджеров государственного и муниципального управления, будущих государственных и муниципальных служащих, неотъемлемый элемент системы эффективного государственного управления Российской Федерации. В контексте проводимых на протяжении двух последних десятилетий реформ в стране в сфере государственного и муниципального управления важная роль отводится совершенствованию подготовки будущих менеджеров государственного и муниципального управления – профессионалов, владеющих знаниями, умениями и навыками в правовой, политических, экономической и управленческой областях, способных критически воспринимать информацию и, в ситуациях ресурсного дефицита, достигать запланированных целей.

В рамках достижения данной цели при подготовке кадров для органов государственной и муниципальной власти одной из ведущих задач является становление личности будущего государственного и муниципального служащего, формирование профессиональной культуры у обучающихся по направлению подготовки бакалавриата «Государственное и муниципальное управление».